

РЕЛИГИОЗНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ СОЦИУМА

Круподеря Елена Анатольевна

Институт философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

Рассматривается религиозная рациональность как доминанта стиля мышления традиционных обществ и ее эволюция в современном социуме.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ №Г24-041 «Эпистемологические доминанты в контексте стиля мышления социума».

Концепция «осевого времени» Карла Ясперса [1] показывает, как в переходе от мифа к рациональности были заложены основы большинства систем мышления, определяющие культуру и ценностные ориентиры обществ Запада и Востока. При этом рациональность, будучи эпистемологической структурой, конструирующей картину мира в древних социумах, реализуется в разных формах: от логического доказательства до этического императива, от медитативного самопознания до юридического ригоризма. Здесь можно условно выделить несколько моделей.

Научно-логическая рациональность в культурном пространстве античного мира, в особенности греческого, апеллируя к понятиям логоса, истины и сущности, направлена на познание объективной реальности и гармонию с космосом через философский диалог, математическое доказательство, наблюдение природы. *Этико-политическая* рациональность конфуцианского Китая, опираясь на концепты гуманности, этикета (правил), долга, сыновней почтительности, благородного человека, ставит целью создание справедливого общества и гармонию в социальных отношениях, инструментализируя ритуалы, образование, служение государству. *Мистико-эзотерическая* рациональность в индоиранском и синосферном культурном пространстве (буддизм, зороастризм, даосизм), эксплицируя идеи нирваны, дхармы, кармы, дао, освобождения от желаний или дуальной теогонии, направлена на прекращение страдания, достижение просветления, слияние с космическим порядком или избавление от зла; ее характерные практики – медитация, йога, следование естественному потоку жизни, огненные ритуалы в зороастризме. *Пророческая этическая* рациональность авраамической традиции основана на понятиях благословения, греха, завета, милосердия и праведности, нацелена на установление вселенского закона, справедливости и ответственности перед Богом и людьми, ее практические императивы – служение Богу через исполнение заповедей, соблюдение этических и юридических норм.

Такая схематизация эксплицирует процесс рационализации как детерминированный, во-первых, категориально – базовым набором концептов, выступающих смысловыми и ценностными ориентирами в мировоззренческой матрице; во-вторых, принципиально – основополагающим принципом интерпретации воспринимаемой индивидом реальности, который определяет телеологию (целеполагание) и методы ее реализации. При этом и концепты, и принципы принадлежат, в первую очередь, к сфере религиозного знания. Согласно идее М. Вебера, развитое религиозное знание становится базисом для рационализации мировоззрения: «картины мира, которые создаются в ходе логического саморазвития основополагающих религиозных идей, воспринимаются мирянами как системы координат, позволяющих определять основные направления их жизнедеятельности, ее важнейшие цели. Так, через деятельность мирян, руководствующихся идеями и представлениями, рационально упорядочиваемыми в “картинах мира”, рациональность проникает в творимый ими – рукотворный, человеческий, исторический – мир: смысловым образом организованный мир культуры» [2, с. 752]. Таким образом, под понятием рациональности в пространстве религиозного мировоззрения можно «иметь в виду способ интерпретации верующим реальности, в основании которого лежат рациональные структуры, организующие его опыт» [3, с. 243].

В традиционных обществах религиозная рациональность часто выступает в качестве всеобъемлющей эпистемологической доминанты, органично интегрированной во все сферы жизни. Ее функция заключается не только в предоставлении ответов на метафизические вопросы, но и в организации социального порядка, указании моральных ориентиров и интерпретации повседневного опыта. Культурные объективации религиозного сознания – вероучение, литургия, теология, искусство, архитектура – становятся структурами, организующими его

опыт и транслирующими смыслы. Эти объективации можно условно разделить на две категории: образно-эмоциональные и рационализированные, однако в традиционном контексте они зачастую неразрывно связаны.

Образно-эмоциональные объективации являются наиболее доступной формой религиозного знания для широких масс. Они воздействуют на чувства, воображение и подсознание, используя язык символов, мифов, аллегорий и эмоционально окрашенных представлений, создают сакральное пространство, в котором концентрируются чувства благоговения, одухотворения, умиротворения и связи с вечностью. Рационализированные объективации, напротив, представляют собой продукты теоретического мышления – систематизацию и обоснование: учения теологов стремятся логически доказать существование Бога, разрешить богословские парадоксы и построить целостную картину мира; символы веры предоставляют для исповедания четкие и недвусмысленные догматы. И формально-логическая, и образно-эмоциональная формы религиозной рациональности выполняют эпистемологическую и компенсаторно-мировоззренческую функцию, организуя хаос событий и переживаний в осмысленную, управляемую реальность.

Для стиля мышления традиционных обществ также характерен симбиоз религиозной рациональности с другими формами религиозного знания: визионерством, магией и суевериями. Это создает сложную, многоуровневую систему верований, где рациональные догматы церкви синкретичны с апотропеическими ритуалами и рудиментами политеистических или анимистических традиций. Хотя такая конструкция кажется несогласованной с точки зрения формальной логики, для самих верующих она может представлять целостную и непротиворечивую картину мира.

Таким образом, в традиционных обществах религиозная рациональность действует как мощный организующий принцип, формируя высшие смыслы и ценности, которые конструируют рамки для всего социального и индивидуального опыта. С приходом модерна и секуляризации происходит фундаментальный сдвиг в статусе религиозной рациональности: она сталкивается с вызовом со стороны других форм знания, прежде всего научной рациональности, что порождает необходимость переосмысления роли религии, она переживает глубокий кризис и одновременно эволюционирует – становится более аналитической, гуманистической и светской, предлагая не столько готовые ответы, сколько способы осмысления экзистенциальных вопросов и развития человеческого потенциала.

Результаты современных кросс-культурных исследований демонстрируют, что хотя религиозность коррелирует с верой в паранормальное во всех культурах, существуют различия в корреляциях между религиозностью, доверием к науке и уровнем образования в западных и восточноазиатских обществах. В частности, у восточноазиатских верующих (например, в Южной Корее) религиозность положительно связана с доверием к научному знанию, тогда как у западных христиан (Австрия, Дания) наблюдается обратная тенденция. При этом, хотя на индивидуальном уровне религиозность отрицательно коррелирует с уровнем образования как в западных, так и в восточноазиатских странах, однако на макроуровне эта связь модулируется уровнем когнитивных способностей: в

странах с наиболее высоким средним показателем IQ (Швеция, Гонконг, Южная Корея) связь между образованием и религиозностью оказывается положительной [4]. Это показывает, что взаимодействие религиозной и научной рациональностей не является универсальной константой, но зависит от культурно-исторического контекста, уровня развития образовательных институтов и специфики доминирующих эпистемологических традиций.

Таким образом, перспективы развития религиозной рациональности в современном мире лежат в плоскости гибкости, открытости и синкретизма: она больше не может претендовать на роль единственной и всеобъемлющей эпистемологической доминанты, но сохраняет актуальность через синтез с наукой, психологией и гуманистической философией.

Литература

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М. : Полит-издат., 1991. – 527 с.
2. Давыдов, Ю. Н. «Картины мира» и типы рациональности / Ю. Н. Давыдов // Вебер, М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С.736-769.
3. Скоробогатова, И. В. Рациональность в пространстве религиозного мировоззрения / И. В. Скоробогатова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 241-247.
4. Clobert, M. East versus West: psychology of religion in East Asian cultures / M. Clobert // Current Opinion in Psychology. – 2021. – №40. – PP. 61-66. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Magali-Clobert/publication/346784029_East_versus_West_psychology_of_religion_in_East_Asian_cultures/links/60d995e0a6fdccb745ece1d9/East-versus-West-psychology-of-religion-in-East-Asian-cultures.pdf (дата обращения: 20.11.2025).